

ПОНЯТИЕ ТРАСТА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ОФШОРНЫХ ЗОН

Курбеко Мария Дмитриевна

студент, Белорусский государственный экономический университет, РБ, г. Минск

Ломако Алла Юрьевна

научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет, РБ, г. Минск

Несмотря на активное употребление терминов «офшор» и «офшорная компания», ни в правовой, ни в юридической литературе, ни среди юристов-практиков не существует единства в их определении.

Можно выделить узкий и широкий подходы к пониманию указанных понятий. В узком смысле «офшор», или «налоговая гавань» (tax haven), – это юрисдикция (государство или часть территории государства), которая соответствует следующим критериям:

1. отсутствие или номинальное налогообложение доходов;
2. создание с помощью законов или административных процедур препятствий для эффективного обмена информацией для налоговых целей с другими государствами по налогоплательщикам, пользующимся отсутствием или номинальным налогообложением;
3. существование недостаточной прозрачности;
4. отсутствие требования по ведению реальной деятельности.

В широком смысле понятие «офшор» охватывает «квазиофшорные юрисдикции», предлагающие благоприятные налоговые режимы: пониженные ставки отдельных налогов (например, ставка налога на прибыль предприятий в Республике Кипр составляет 12,5 %), особый порядок налогообложения отдельных видов субъектов хозяйствования (например, Limited Liability Partnership (LLP) в Великобритании и др.), возможность использовать механизмы соглашений об избежании двойного налогообложения для уменьшения налогов на отдельные виды доходов (роялти, процентный доход, дивиденды и др.) [1, с. 6].

В правовой системе Республики Беларусь используется термин «офшорная зона», под которой понимается государство (территория), в котором действует льготный налоговый режим и (или) не предусматривается раскрытие и предоставление информации о финансовых операциях (п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 25 мая 2006 г. № 353 «Об утверждении перечня офшорных зон»). По мнению белорусского законодателя, вышеназванным критериям соответствуют 52 государства (территории), указанные в Перечне, утвержденном вышеназванным Указом.

Законодательство не запрещает белорусским юридическим и физическим лицам регистрировать компании либо открывать счета в указанных в Перечне офшорных зонах, равно как и не запрещает вступать в договорные и иные взаимоотношения с резидентами офшорной зоны. Однако, указанные отношения подлежат особому контролю и влекут для резидентов Республики Беларусь дополнительные налоговые обременения, в частности:

- обязанность по уплате специального офшорного сбора по ставке 15 % от суммы операции, проводимой с зарегистрированным в офшорной зоне нерезидентом (ст. 263,

266 Налогового кодекса Республики Беларусь (Особенная часть) от 29 декабря 2009 г. № 71-3);

- правила об устранении двойного налогообложения подоходным налогом с физических лиц не распространяются на доходы, полученные из указанных в Перечне офшорных зон (п. 1 ст. 224 НК);
- сделки по реализации или приобретению товаров (работ, услуг), имущественных прав с резидентом офшорной зоны подпадают под контроль так называемого трансферного ценообразования (п. 2.2 ст. 88 Налогового кодекса Республики Беларусь (Особенная часть) от 19 декабря 2002 г. № 166-3).

Современные офшорные юрисдикции (в широком смысле) предоставляют компаниям различные типы налоговых статусов. Налоговый статус компании определяет специфику налогообложения доходов компании (льготы или освобождение от налогов), а также имеет значение для использования норм международных соглашений об избежании двойного налогообложения. Особенно важен налоговый статус компании в отношении таких налогов, как налог на прибыль компании (corporate income tax), налог на прирост капитала (capital gains tax), налог на дивиденды (taxation of dividends) [3, с. 236].

В соответствии со ст. 2 Закона Республики Кипр «О налогообложении доходов» (The Income Tax Law, 2002) компания независимо от места ее учреждения рассматривается как нерезидент, если управление и контроль за ее деятельностью не осуществляется с территории Кипра. Причем как резидентные, так и нерезидентные компании могут создаваться в порядке, предусмотренном Законом Республики Кипр «О компаниях» (The Companies Law, 2005). Нерезидентный статус позволяет компании в определенных случаях не уплачивать налоги, установленные для компаний-резидентов. Так, например, согласно § 1 ст. 5 Закона Республики Кипр «О налогообложении доходов» все виды дохода компании-резидента облагаются налогом на прибыль, причем возникающие или получаемые из источников как в республике, так и за ее пределами.

Согласно же § 2 ст. 5 вышеназванного Закона если лицо не является резидентом республики, то оно обязано уплачивать налог на прибыль: во-первых, только в отношении доходов, возникающих или получаемых из источников в республике, а во-вторых, только в отношении доходов или имущества, определенных в Законе. Тот факт, что нерезидентная компания не является субъектом налогообложения в стране регистрации, исключает возможность применения к таким компаниям норм соглашений об избежании двойного налогообложения, а также налоговых директив ЕС, которые предоставляют различные льготы (относительно Кипра и заморских территорий Великобритании).

Несмотря на последние изменения, произошедшие в законодательстве офшорных юрисдикций, которые свидетельствуют о том, что офшорные юрисдикции постепенно отказываются от предоставления национальным компаниям специальных льготных режимов налогообложения и закрепляют возможность приобретения нерезидентного статуса. Таким образом, представляется, что «офшорная компания» (в широком смысле) – условный термин, характеризующий особый налоговый статус организации, который обеспечивает ей максимальное снижение налоговых потерь. Следует отметить, что особый налоговый статус не обязательно оказывает влияние на частноправовой (гражданско-правовой) статус офшорной компании, который определяется ее личным законом [4, с. 136].

В белорусском праве отсутствуют какие-либо специальные положения об участии офшорных компаний в частноправовых отношениях, осложненных иностранным элементом. Вместе с тем можно указать на некоторые проблемные вопросы. Первичная квалификация и определение применимого права. Согласно ст. 1094 ГК Республики Беларусь по общему правилу при определении права, подлежащего применению, суд основывается на толковании юридических понятий в соответствии с правом страны суда, т.е. по правилу *lex fori*. Таким образом, в соответствии с отечественным законодательством личный статут офшорных компаний будет определяться по праву страны, где данная компания учреждена (ст. 1110, 1111, 1112 ГК Республики Беларусь).

Как справедливо отмечает И.В. Гетьман-Павлова, льготы в отношении деятельности офшорных компаний не касаются их личного статута, а только дополняют правовое

регулирование. Вместе с тем, решение вопроса о праве, подлежащем применению к офшорной компании, осложняется тем, что термин «офшорная компания» часто используют не только для обозначения правосубъектных организаций (как наделенных, так и не наделенных статусом юридического лица), но и для обозначения обособленных имущественных комплексов, в частности создаваемых посредством учреждения трастов и «организаций коллективного инвестирования», первичная квалификация отношений с участием которых носит довольно дискуссионный характер [5].

Как отмечает В.А. Канашевский, трасты являются одним из правовых инструментов, притягивающих к офшорным юрисдикциям бизнес со всего мира. Однако, траст – институт англо-американского права, и несмотря на то что правовые порядки государств романо-германской системы права на протяжении последнего столетия пытаются приспособить данную юридическую конструкцию к своему внутреннему праву посредством смежных институтов континентального права (например, институт *Treuhänder* в Германии и Австрии, *la fiducie* в праве Франции и Швейцарии), по мнению большинства правоведов, достигнуть полной рецепции траста так и не удалось, чему препятствуют прежде всего унитарная конструкция права собственности, не предполагающая его «расщепления», как это имеет место в англо-американском институте траста, а также один из основополагающих принципов вещного права данных государств – принцип *numerus clausus* (закрытый перечень вещных прав) [6].

Указанные принципы национального вещного права создают риск непризнания зарубежного траста как противоречащего сверх-императивным нормам или публичному порядку. Вопрос о первичной квалификации англо-американских трастов в государствах континентальной системы права решается неоднозначно. В правовой литературе и правоприменительной практике можно встретить квалификацию траста: как аналога вещного права на имущество, обремененного обязанностью действовать в чужом интересе; как аналога договора; как аналога юридического лица; как аналога концепции *patrimony*; как аналога специфических полномочий по управлению имуществом.

Неоднозначность подходов к первичной квалификации траста порождает различные подходы к его коллизионному регулированию. В российской юридической литературе (праву Российской Федерации, как и праву Республики Беларусь, институт траста неизвестен, в силу чего специальная коллизионная норма отсутствует) довольно распространенной является точка зрения об установлении применимого к трастам права на основании ст. 1203 ГК Российской Федерации (аналог ст. 1110 ГК Республики Беларусь). Сторонники данного подхода полагают, что, хотя траст и нельзя назвать юридическим лицом, он обладает обособленным имуществом и определенной внутренней организационной структурой, в связи с чем может рассматриваться как «иностранная организация, не являющаяся юридическим лицом по иностранному праву», и, соответственно, допустимо определять применимое к трасту право на основании ст. 1203 ГК Российской Федерации.

Полагаю, что указанный подход некорректен, поскольку, согласно англо-американскому праву, траст не является субъектом права (лицом). Поскольку белорусскому праву институт траста неизвестен, считаем, что квалификация понятия «траст» должна осуществляться *lex cause*, т.е. с применением норм иностранного права, которому данный институт известен и с которым правоотношение непосредственно связано (п. 2 ст. 1094 ГК Республики Беларусь) [6].

Что касается коллизионного регулирования, то из-за отсутствия в отечественном праве коллизионных норм о трастах при определении применимого к ним права полагаю необходимым использовать общее правило, установленное п. 3 ст. 1093 ГК Республики Беларусь, о применении принципа наиболее тесной связи.

Таким образом необходимо отметить, что правом, наиболее тесно связанным с трастом, следует признавать право страны, в которой траст был создан. При отсутствии сведений относительно места создания траста в качестве руководства для определения тесной связи траста с каким-либо правовым порядком можно использовать положения Гаагской конвенции о праве, применимом к трастам, и о признании трастов, 1985 г., которая рекомендует учитывать следующие факторы: место управления трастом, выбранное его учредителем;

местонахождение имущества траста; место жительства или местонахождение доверительного собственника (trustee); задачи траста и место, где они должны быть выполнены (ч. 2 ст. 7).

Список литературы:

- 1 Волков, А.В. Обход закона как наивысшая форма злоупотребления правом / А. В. Волков // Гражданское право. – 2013. – № 2. – С. 2-8.
- 2 Кудрявцева, Л.В. Внедоговорные обязательства в международном частном праве: сравнительно-правовой анализ / Л.В. Кудрявцева, С.А. Самсонов // Интерактивная наука. – 2017. – № 2 (12). – С. 234 – 238.
- 3 Алимова, О.Я. Унификация и гармонизация в международном частном праве. Вопросы теории и практики : монография / О.Я. Алимова, Н.Н. Викторова; отв. ред. Г. К. Дмитриева, М. В. Мажорина. – М. : Норма : ИНФРА М, 2016. – 208 с.
- 4 Гетьман-Павлова, И.В. Международное частное право : учеб. пособие для приклад. бакалавриата / И.В. Гетьман-Павлова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 225 с.
- 5 Кадышева, О.В. Унификация и гармонизация норм международного частного права в отношении определения государственной принадлежности иностранных юридических лиц / О.В. Кадышева // Вестник Московского университета. - Серия 11 «Право». – 2002. – № 3. – С. 44-65.
- 6 Царева, Л.В. Соотношение материального и коллизионного методов регулирования международных частноправовых отношений / Л.В. Царева // Правовая политика Республики Беларусь: современное состояние и перспективы развития: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6 дек. 2013 г. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. - Минск: Ин-т радиологии, 2013. – С. 142-144.